
И С Т О Р И Я

Б. А. ТУРАЕВ

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ОГНИ"**

**ПЕТРОГРАД
1922**

**Рисунок обложки и заглавной страницы исполнен художником
Д. И. МИТРОХИНЫМ.**

**Р. В. Ц.
Напечатано в количестве 2000 экземплярах.
15-ая Гос. тип. Звенигородская, 11.**

ВВЕДЕНИЕ.

Один из наиболее замечательных памятников египетской письменности, приобретенный и разработанный нашим соотечественником, В. С. Голенищевым, влагает в уста князя финикийского города Библа следующие слова: „Амон устроил все земли, устроенные им, но землю Египетскую—раньше других. И искусство вышло из нее, и учение вышло из нее, чтобы дойти до места, где я пребываю“. Этот князь конца XII в., указывавший тщательно египетскому путнику на свою независимость, открыто признает в эту эпоху политического упадка Египта, его культурное и духовное первенство и свидетельствует о великой роли Нильской долины в истории цивилизации. В этом отношении классические писатели, возводившие к Египту и свою науку, и философию, и религию, считавшие его седалищем высшей премудрости, где учились их мудрецы и государственные деятели, не сказали ничего нового—они повторили то, что выразил финикийский царек. И новая Европа, еще не получив доступа к иероглифическим памятникам и жадно стремясь получить его, предвкушала вычитать в них разрешение волновавших ее вопросов и новое откровение. Действительность как будто обманула это ожидание: вместо великих богословских и философских откровений оказались трескучие царские надписи, монотонные гимны богам, бесконечные и бесчисленные, притом бессмысленные магические формулы, эмпирические и весьма прибли-

зительные научные выкладки, да сказки иногда довольно легкомысленного содержания. Разочарование было велико, особенно, когда со стороны раздался лозунг „Babel und Bibel“ и когда болезнь панвавилонизма грозила свести великую нильскую цивилизацию на одну из областей излучения азиатской двуречной. Но египтология выдержала это испытание. Новые находки и более тщательное изучение памятников ведут к реабилитации Египта и великому народу берегов священной реки снова усваивается великая роль в создании нашей цивилизации. Действительно, какую бы сторону нашей жизни мы ни взяли, исследование ее истории нас по большей части в конце концов приводит в Египет, который был отцом европейской государственности, европейского искусства, многих явлений нашей религиозной жизни и быта. Египет—родина архитектурных форм колонны, базилики; он же создал наши иконы и монашество, к его иллюстрированным папирусам приходится восходить, чтобы объяснить происхождение наших книг с рисунками, в нем следует искать исходный пункт распространения многих сюжетов и мотивов наших сказок. Росписи стен, выродившиеся в наши обои, флаги, выкидываемые на мачтах в праздники, весы на изображениях страшного суда, представления апокрифического характера о загробных чудовищах и вратах, различные средства народной медицины и многое иное, разнообразное и иногда неуловимое, может быть объяснено только, как наследие великой культуры, накопившей и развивавшей свое духовное достояние в течение тысячелетий.

Географические условия, среди которых возникла и развивалась эта цивилизация, представляют интересное взаимодействие африканского материка и двух океанов. Узкая вытянутая долина Нила окружена с трех сторон пустынями; она как бы погребена между Сахарой и близкой к ней географически Аравией, что в связи с подтропическим положением должно было бы обусловить исключительно знойный климат.

Но истоки Нила лежат на высоком обширном плоскогории экваториальной Африки, покрытом сетью больших озер, где пары Индийского, отчасти и Атлантического океана, ступаясь на прохладных лесистых и водных поверхностях, дают обильные периодические дожди на Абиссинском плоскогории и постоянные в области экватора. Последние питают могучий Белый Нил, первые, вместе с тающими снегами, переносят чрез Собат и Атбару с ее притоками и бурный Голубой Нил огромные массы воды, дробящей гранитные скалы и несущей строительный материал, который отлагается в течение тысячелетий в Нильской долине. У Хартума воды эти смешиваются с Белым Нилом, который несет в Египет огромное количество продуктов гниения растительных элементов из болот экваториальной Африки. Из соединения пластического материала, приносимого с абиссинских гор, с этими растительными частицами и получается тот ил, который создал Египет и дает ему плодородие, в то время, как масса воды, приносимая Белым Нилом, не дает ему иссякнуть и растеряться в песках пустыни. Шесть порогов в Нубии и пять в верхнем течении Белого Нила являются важными регуляторами вод могучей реки—без них разливы были бы слишком быстры и кратковременны. И роль пустыни, как фактора географической среды, также должна быть отмечена. „Действуя большую часть года, как гигантский огненный костер, песчаная пустыня устанавливает летом грандиозную тягу вертикального воздушного столба, образуя над собою обширнейшую площадь низкого давления, куда устремляется со всех сторон воздух соседних районов атмосферы с высоким давлением (Средиземное море) и, в силу этого, летом же устанавливается господствующий ток на Египет со сторон Средиземного моря... а так как ветры северных румбов дуют в году приблизительно около 300 дней, то ими, главным образом северным ветром, и определяется характер местного климата; он отличается в общем умеренностью температуры, умеренною влаж-

ностью необыкновенно прозрачного воздуха, безоблачным темносиним небом. Только весной устанавливается в Сахаре постоянный ток с юга, и чрез это в Египте дует почти около двух месяцев, начиная с марта и по конец апреля, горячий южный и юговосточный ветер, перемежаясь иногда северным и восточным. С этого же времени начинается, также с перерывами, тянуть знойный пыльный югозападный хамсин. Воздух в это время бывает пресыщен электричеством, по всей вероятности, существенно влияющим на накопление озона и окисей азота в атмосфере, увлекаемых затем обильными росами в верхние слои почвы. Начиная с июня и до конца февраля снова дуют или чисто северные или, вообще, ветры северных румбов. Летом, осенью и зимой все время продолжается разлив Нила, который начинается с июля, достигает максимума в сентябре и медленно опадает в продолжение всей зимы, с тем, чтобы достигнуть самого низкого уровня в апреле, мае и июне. Благодаря особенно большим массам воды, заливающим во 2-й половине лета и осенью всю орошаемую площадь, в воздухе скопляется много паров, и они, при господствующих прохладных северных ветрах, легко сгущаются в туманы по вечерам... Они несколько не вредят растениям, наоборот, обогащают их аммоникальными солями... Во время преобладания ветров пустыни или смены ветров северных румбов восточными и южными, уничтожаются все вредные для здоровья людей и животных последствия пресыщения почвы влагой и истребляются все малярийные скопления... Жаркие ветры пустыни, способствуя усиленному испарению, при условии свойств нильской почвы, весьма богатой железом и алюминием, принимать, вследствие испарения, порозное состояние,—служат косвенной причиной усиленной интрификации почвы и ее быстрейшего физического и химического выпевания. Господство северных ветров спасает также Египет от занесения песком, под которым он был бы бесследно схоронен, если бы господствующие ветры дули с

пустыни. Наибольшая сила свежих, северных, умеренно-влажных ветров совпадает с максимальным периодом разлива и с частыми ночными туманами, чем широкая пелена воды защищается от чрезмерных потерь чрез испарение. Стоило бы только ветрам пустыни дуть с такой же силой и постоянством, и тогда даже могучий Нил не в силах был бы дать и половины той влаги, какую он доставляет в настоящее время. Если бы направление ветров не было идеально благоприятно, как оно есть в действительности, то Египет, как страна культуры, был бы немыслим... между тем едва ли многим приходит в голову, что своим торжеством Нил обязан именно той страшной пустыне, которая, казалось, готова поглотить его..." (Клинген, „Среди патриархов земледелия“). Роль ветров в жизни страны сознавалась и самими египтянами. Не говоря уже о постоянном пожелании „сладостного дуновения северного ветра“ в сей жизни и будущей, мы находим у одного пророка, предвещавшего всякие беды: „южный ветер сблизится с северным, небо не будет с одним ветром“.

Геологами уже написана история образования Нильской долины. Было время, когда ее еще не было, когда течение великой реки, встретив гранитные массы у Ассуана, пошло западнее по Ливийской пустыне, а морской залив доходил, вероятно, до Эсне. Чермное море образовалось только в начале четверичного периода и лишь к началу современного геологического периода Нил вступил в свою культурную роль. Климат в это время в Египте был тропический; леса, растения и животные жарких стран изобиловали, но и в доисторическое время, судя по первобытным рисункам и остаткам, в Египте еще водились львы, жираффы, слоны, носороги, произрастали многие растения, свойственные ныне только странам верхнего Нила.

Возможно, что и первобытное население Египта было однородным на всем протяжении долины, что обитатели юга постепенно двигались к северу по мере образования египетской

части долины. По исследованию антропологов, тип египтян весьма сложный и явился результатом взаимодействия различных рас, и в этом отношении они подобны другим культурным народам. На первобытный африканский слой, вероятно, кочевой отложился в глубокой древности так называемый хамитский, выселившийся из Аравии, где вместе с тамошним населением он составлял так называемых прасемитов. Эта хамитская группа народов включает в себя население северной Африки, ливийцев, берберов, затем нубийцев, сомлийцев, бишаринов и других, отличаясь от негров и племен языков банту. По языку она находится в несомненном родстве с семитической, но в более отдаленной степени, чем различные части семитической ветви—между собою. Равным образом и отдельные представители хамитического мира не обнаруживают этой степени близости, будучи расселены по более обширной территории, имея столь различные судьбы. Египтяне были единственным народом этого племени, создавшим мировую культуру и богатую литературу, которая к тому же на многие века отстоит от современных произведений народной словесности различных хамитских племен, изучаемых лингвистами и исследователями фольклора; у нас нет поэтому такого богатого материала для сравнительных исследований, какими мы располагаем при изучении семитического мира. Египетский язык, во всяком случае, обнаруживает наибольшую близость к семитическим, и в грамматике, и в словаре, особенно в том, что корни состоят главным образом из трех согласных, и гласные имеют лишь служебное значение для образования форм. И звуковой состав языка тот же. И близость эта увеличивается по мере того, как мы знакомимся с более древними стадиями развития языка, имевшего длинную и поучительную историю. Очевидно, Египет и потом продолжал питаться новыми переселениями с востока, усиливавшими в нем азиатско-семитический элемент. Это доказывается и другими сторонами культуры-религией и искусством: и там и здесь

мы встречаем родственные черты с азиатской цивилизацией, развившейся в области двух великих рек. Египетское иероглифическое письмо, несомненно возникшее уже на африканской почве, также указывает на родство создавшего его народа с семитами; оно принимает в соображение только согласные звуки и те полугласные, которые так характерны для семитизма. На азиатские отношения указывают и находимые уже в древнейших гробницах зерна пшеницы и ячменя, а также виноград и священные деревья—сикомора и персея; последние южно-аравийского происхождения и может быть косвенно указывают на путь, по которому происходили отчасти переселения, тем более, что на противоположном берегу Африки, в Самалийской области, египтяне помещали страну Пунт, с которой они издревле поддерживали сношения и жителей которых изображали подобными себе, не всегда даже причисляя их к враждебным иностранцам. Здесь же помещали они так наз. „Страну Бога“, обитающего в атмосфере благовонных деревьев, смолы которых воскуряются в храмах. И Библия помещает родоначальника египтян Мисраима в потомство Хама вместе с представителями Пунта-Путом и Нубии-Кушем.

Если везде человек является сыном своей почвы, то в Египте влияние географической среды на население и его культуру было особенно могущественным. Оно претворило все этнические элементы в одну цельную расу, стойкость которой вызывает удивление и которая до сих пор, несмотря на персидское, греческое, римское, византийское, арабское и турецкое владычество, сохраняет в большой чистоте свой физический тип и даже продолжает ассимилировать новых обитателей. Даже на животных распространяется эта ассимилирующая и претворяющая способность географических и климатических условий великой страны. Могущественны были их воздействия и на развитие культуры. Прежде всего они были школой государственности. Богатые дары Нила

могут превратиться в величайшие бедствия, если к ним не приложить упорного и систематического труда. Нормальный уровень поднятия Нила—16 фут.; трех футов нехватки достаточно для наступления голода, с другой стороны слишком быстрое, бурное и обильное половодье губительно для людей и животных. Вода половодья должна быть регулируема каналами, резервуарами и плюзами, поддерживаться на известной высоте сооружениями; для сношений между населенными местами должны быть устроены плотины и сооружены суда. Все это обусловило раннее развитие гидротехники, землемерного дела и наблюдения неба для календарных вычислений, определяющих время наступления и хода разлива реки. Ежемесячный пересмотр границ полей, заливаемых рекой вызвал необходимость ведения точного измерения, записей, развитого чувства собственности, уважения к суду и закону. Все это требовало дружного и согласного сотрудничества всего народа на всем протяжении от катаракта до устья, при условии всецелого подчинения сильной, располагающей безусловным авторитетом центральной власти. Египет стал родиной бюрократической абсолютной монархии, в которой личность государя была обожествлена, и огромная часть народа состояла из крепостных. — Редкие контрасты природы и соприкосновение необычайно плодородной долины с бесплодной пустыней, быстрое чередование яркого света и темной ночи, смена ветров и периодов Нила наложили печать на религиозное мышление египтянина, развив в нем сначала космический, затем этический дуализм и сделав его особенно ревностным почитателем божества света, сначала чувственного, затем духовного. А когда он принял религию света Истинного, горы и пустыни, замыкающие его долину, сделались для него местом духовных подвигов и дали миру монашество, значение которого в культурной истории человечества еще не поддается учету. Необычайная сухость климата и почвы пустыни, особенно в Верхнем Египте, сохраняющая самые хрупкие предметы и подвер-